

RU

Когнитивные аспекты регулятивности эпитафа
в романе Д. Тартт “The Goldfinch”

Симонова Е. П.

Аннотация. Цель исследования - выявить когнитивные механизмы, лежащие в основе выполнения эпитафом регулятивной функции в художественном тексте. В работе рассмотрено понятие регулятивности, изучены различные подходы к исследованию эпитафа, выявлена когнитивная сущность эпитафа как регулятивной текстовой единицы. Научная новизна работы заключается в раскрытии когнитивных механизмов регулятивности эпитафа. Полученные результаты показали, что эпитаф объективирует концепт; в результате интертекстуального взаимодействия эпитафа с основным текстом происходит «приращение» концептуальных признаков, в основе интерпретации читателем которых лежит процесс концептуальной интеграции.

EN

Cognitive Mechanisms of Epigraph Regulativity
in D. Tartt’s Novel “The Goldfinch”

Simonova E. P.

Abstract. The paper aims to reveal cognitive mechanisms of the epigraph regulativity in a literary text. The article examines the notion “regulativity”, analyses the existing approaches to studying the epigraph, reveals cognitive essence of the epigraph as a regulative textual unit. Scientific originality of the study involves revealing cognitive mechanisms of the epigraph regulativity. The findings indicate that the epigraph serves as a means of the concept objectivation; the epigraph’s intertextual interaction with the basic text leads to semantic increments. A reader’s interpretation of additional contextual meanings is based on the process of conceptual integration.

Введение

В качестве материала исследования выбран роман современной американской писательницы Донны Тартт “The Goldfinch”, повествующий о том, как украденная в музее картина становится и тяжелым бременем, что тянет главного героя на самое дно, и той соломинкой, которая помогает ему выбраться наверх. Одной из особенностей романа “The Goldfinch” являются эпитафы, предвещающие каждую из пяти частей романа.

Объектом данного исследования является эпитаф к пятой части, в качестве которого выбрана известная цитата немецкого философа Фридриха Ницше *We have art in order not to die from the truth (Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины)*. Предметом исследования являются когнитивные аспекты регулятивности эпитафа.

Актуальность работы мотивирована рядом факторов: 1) феномен эпитафа исследуется в основном в функциональном и в интертекстуальном аспектах, при этом когнитивные аспекты выполнения им регулятивной функции остаются нераскрытыми; 2) имеющиеся достижения в исследовании теории концептуальной интеграции как теоретической платформы для исследования процессов интеграции информации при ее восприятии обуславливают возможность и актуальность применения полученных результатов к описанию механизмов регулятивности эпитафа в художественном тексте.

Поставленная цель определила необходимость решения ряда задач: рассмотреть понятие «регулятивность» для выявления возможности изучения эпитафа как регулятивного элемента художественного текста; изучить различные подходы к изучению эпитафа с целью выявления интерпретационных возможностей данного факультативного элемента в художественном произведении; провести анализ познавательных аспектов интерпретационной деятельности читателя и выявить когнитивные аспекты регулятивности эпитафа. Методы исследования обусловлены целями и задачами работы и включают: интертекстуальный анализ, включающий идентификацию эпитафа как интертекстуального фрагмента и его источника, а также интерпретацию смыслов,

порождаемых в результате межтекстового взаимодействия; метод инференции, выступающий в качестве основного при описании имплицитных способов выражения смыслов, выявляемых в процессе герменевтического прочтения текста; концептуальный анализ, включающий элементы дефиниционного анализа и приемы семантической интерпретации языковых фактов при исследовании концептов, репрезентированных в тексте.

Теоретической базой исследования послужили положения ряда научных направлений, и в первую очередь коммуникативной стилистики художественного текста, в частности постулат о регулятивном потенциале элементов текста на всех уровнях (Н. С. Болотнова, 2001, 2006; Р. Я. Тюрина, 2001; С. В. Сыпченко, 2001 и др.), положения когнитивной лингвистики о необходимости синтеза коммуникативной и когнитивной научных парадигм для решения актуальных проблем современной лингвистики и о связи языка с познавательными процессами (Е. С. Кубрякова, 2004; З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2006; Н. Н. Болдырев, 2009 и др.), теоретические положения стилистики декодирования и теории текста об информативности текстовых единиц (И. В. Арнольд, 2002; З. Я. Тураева, 1986 и др.); основные положения теории интертекстуальности (Н. С. Валгина, 2003; В. В. Красных, 2003; А. В. Кремнева, 2017 и др.).

Теоретическая значимость исследования видится в выявлении процесса концептуальной интеграции, лежащего в основе интерпретации читателем «приращения» концептуальных признаков концепта, объективированного в эпиграфе, в результате межтекстового взаимодействия эпиграфа с основным текстом. Практическая значимость заключается в том, что полученные данные могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по интерпретации художественного текста, филологическому анализу текста, когнитивной стилистике английского языка, а также в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий.

Понятие «регулятивность»

Теория регулятивности активно разрабатывается представителями коммуникативной стилистики художественного текста. Н. С. Болотнова отмечает, что регулятивность рассматривается как системное качество текста, отражающее способность текста воздействовать на читателя, направляя его интерпретационную деятельность. Регулятивность связана с такими качествами текста, как предсказуемость/непредсказуемость текстового развертывания, вариативность интерпретации и образность [3]. В выборе регулятивных средств и регулятивных структур проявляется идиостиль автора, при этом для выявления доминант регулятивности важен контекстуальный анализ [4]. С. В. Сыпченко рассматривает компаративные тропы как регулятивное средство на примере поэтических текстов Н. Гумилева [14], а рассмотрению морфологических и «графических» окказионализмов как регулятивных средств в поэзии Н. Гумилева, М. Цветаевой и И. Бродского посвящены исследования Р. Я. Тюриной [17]. Ученые отмечают, что регулятивность проявляется на всех текстовых уровнях, это позволяет нам рассматривать такой элемент текста, как эпиграф, в аспекте регулятивности.

Различные подходы к исследованию эпиграфа

Эпиграф (от греч. *epigraphe* – надпись) как сильная позиция в тексте давно привлекает внимание ученых. Подавляющее большинство эпиграфов – цитаты из различных авторитетных источников, в качестве которых выступают произведения художественной литературы, народного творчества, цитаты и т.п. З. Я. Тураева отмечает акцентирующую функцию эпиграфа: «...эпиграф занимает так называемую сильную позицию текста, которая в силу противопоставленности корпусу текста привлекает внимание читателя» [16, с. 52]. Наряду с этим исследователь указывает на приращение смысла текста с помощью эпиграфа и на его интертекстуальность: «Эпиграф – это тот компонент художественного текста, который отсылает читателя к исходному тексту и программирует сеть ассоциаций. <...> Интеграция эпиграфа цитирующим текстом неизменно приводит к усложнению смысла этого текста» [Там же, с. 54]. «Через эпиграфы автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста» [18, с. 32].

На способность эпиграфа пояснять заглавие, отсылать память к тому контексту, откуда он взят, и к тому, которому предшествует, и на влияние эпиграфа на осмысление текста указывает И. В. Арнольд [1, с. 75]. Т. Р. Петрат также отмечает, что эпиграф часто выражает основную коллизию, тему, идею произведения, способствуя его восприятию читателем. «Эпиграф указывает читателю путь интерпретации текста, сужает диапазон его возможных истолкований, но при этом не ограничивает и не предполагает одного варианта» [12, с. 375]. Н. С. Валгина рассматривает эпиграф как текст в тексте, который может передавать главную идею произведения [5, с. 143]. Взаимодействие эпиграфа и текста может быть сложным, оригинальным и особенно значимым для сюжета, композиции произведения и особенно его смысла [Там же, с. 150].

Способность эпиграфа задавать направление интерпретации А. В. Кремнева определяет как прогностическую функцию [7, с. 180]. Нередко эпиграф получает новое осмысление после прочтения текста, что заставляет читателя вновь возвращаться к нему и реинтерпретировать его смысл [Там же]. Очень часто эпиграф нуждается в пояснении и может представлять своего рода «загадку» для читателя, которую ему предстоит разгадать.

С точки зрения теории прецедентности эпиграф относят к прецедентным феноменам (высказываниям), которые могут быть социумно-прецедентные (известные любому среднему представителю того или иного

социума), национально-прецедентные (известные любому среднему представителю той или иной национальности) и универсально-прецедентные (известные любому среднему современному *homo sapiens* и входящие в «универсальное» когнитивное пространство) [6, с. 176].

Говоря о способности эпиграфа направлять процесс восприятия текста читателем, следует сказать о такой особенности эпиграфа, как «обращенность» к адресату. Ю. М. Лотман отмечал, что «общение с собеседником возможно при наличии общей с ним памяти» [10, с. 87]. Исследователь считает, что существуют принципиальные различия между текстом (высказыванием), обращенным «ко всем», т.е. к любому адресату, и тем, который имеет в виду некоторое конкретное и лично известное говорящему лицо. В первом случае объем памяти адресата конструируется как обязательный для любого говорящего на данном языке и принадлежащего к данной культуре. Такой текст/высказывание обращен ко всем и каждому. Отсюда следует, что эпиграф, как правило, представляющий собой универсальный прецедентный текст/высказывание, «адресован» носителю общей памяти. Как и между любым текстом/высказыванием и читателем (аудиторией), так и между эпиграфом и адресатом неизбежно складывается два противоположных типа отношений: ситуация понимания и непонимания.

Установка на выявление связей текста с эпиграфом как претекстом, узнавание способа выражения авторского смысла и его интерпретация получили название читательской интертекстуальности. Успешная читательская интертекстуальность возможна при наличии в тезаурусе читателя «следов» ранее прочитанных текстов, схем возможных стратегий интерпретации [7, с. 94], при этом интертекстуальный тезаурус представляет собой особый формат знаний, который позволяет автору кодировать смысл посредством отсылки к другому тексту, а читателю – декодировать смысл текста, выраженный посредством такого кода [Там же, с. 97-129]. А. В. Кремнева отмечает роль эпиграфа в осуществлении принципа диалогизма, который включает диалог между автором и читателем. «Используя эпиграф, автор апеллирует к эрудиции читателя, его интертекстуальному тезаурусу, стимулируя читателя к установлению смысловой связи между эпиграфом и основным текстом» [Там же, с. 182].

Поскольку диалог между автором и читателем проходит на когнитивном уровне, в нем задействованы когнитивные механизмы, под которыми понимают способы мысленной модификации, моделирования и конфигурации различных концептуальных структур [11]. Для данного исследования представляют интерес когнитивные механизмы развития и соединения и процесс концептуальной интеграции. Когнитивный механизм «развитие» (*elaboration*) предполагает появление у вновь образовавшейся концептуальной структуры дополнительных характеристик, возникающих на базе инферентных и энциклопедических знаний интерпретатора. Под воздействием когнитивного механизма «соединение» (*composition*) происходит объединение некоторых концептуальных характеристик, которые задействуются в процессе формирования концептуального содержания [Там же]. Теория концептуальной интеграции разработана Ж. Фоконье и М. Тернером, является дальнейшей ступенью в развитии теории концептуальной метафоры [24]. Согласно теории концептуальной интеграции вместо двух пространств (источника и цели) используется четырехпространственная модель: два исходных пространства (*input spaces*); общее (*generic space*) пространство, содержащее концептуальные структуры, имеющиеся в обоих исходных пространствах; и пространство бленда (*blend space*), представляющее собой зону интеграции и взаимодействия исходных пространств. В бленде возникает новое содержание, порождается новый смысл. Далее действие этих механизмов будет раскрыто в статье при описании регулятивной функции эпиграфа в процессе интерпретации текста. На возможность рассмотрения языковых единиц и категорий в тесной связи с когнитивными процессами указывала Е. С. Кубрякова, отмечая, что определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в процессе коммуникации, позволяет рассматривать языковые единицы и категории в тесной связи с другими когнитивными процессами – с восприятием и памятью человека, его воображением и эмоциями, мышлением [8].

Источник цитаты-эпиграфа

Для того чтобы понять смысл цитаты немецкого философа Ницше *We have art in order not to die from the truth* (Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины), взятой в качестве эпиграфа, предваряющего последнюю главу романа “The Goldfinch”, обратимся к философии Ницше. Под истиной (*the truth*) в его философии подразумевается реальность, которая убийственна, непригодна для жизни. Искусство рассматривается как возможность ухода от этой реальности. Целью мира является безболезненное созерцание, чистое эстетическое наследие [22]. По Ницше, в человеке существует два отношения к жизни – дионисовское и аполлоновское. Дионисовское отношение предполагает рациональное, близость к природе, страстность. Аполлоновское начало заключается в принятии жизни через мышление, превращающее жизнь в мечту, светлую, гармоничную, прекрасную. Смысл человеческого существования заключается в том, чтобы создавать такое искусство, которое возвышало бы человека на более высокую ступень развития [9, с. 125]. Высший смысл бытия человека Ницше видел в необходимости познавать жизнь в ее истине, т.е. в трагизме, что само по себе есть тяжелое бремя, которое не каждый способен вынести [Там же, с. 126]. Ознакомление с философией Ницше помогает нам понять, что под словом *truth* философ подразумевает *reality/life*.

Интерпретация концептов ART и TRUTH (LIFE), объективированных в эпиграфе и основном тексте

Перейдем к рассмотрению когнитивных аспектов эпиграфа как коммуникативного текстового блока регулятивного типа, «подсказывающего» читателю тему последней части романа “The Goldfinch” и регулирующего

процесс ее интерпретации. В исследуемом эпиграфе *We have art in order not to die from the truth* номинированы противопоставленные друг другу концепты ART и TRUTH (LIFE).

В эпиграфе концепт LIFE номинирован через концепт TRUTH. В данном случае мы имеем дело с метафоризацией, то есть с осмыслением одних объектов действительности (область цели) через перенесение на них качеств других объектов (область источника). Обратимся к значениям номинанта концепта TRUTH: **truth** – *state or quality to be true / that which is true; true – in accordance or agreement with fact / loyal, faithful; loyal – reliable; in accordance with reason; exact, accurate* [21]; **truth** – *the actual fact or facts about a matter* [20]. Лексическое значение слова фиксирует концептуальный признак *loyal (reliable); faithful – правдивый, надежный*.

Чтобы понять, какие характеристики концепта TRUTH переносятся на концепт LIFE в результате метафорического наименования, обратимся к дефинициям слова-номинанта концепта LIFE: **life** – *a particular type or part of someone's existence; the period between birth and death, or the state of being alive* [Ibidem]; **life** – *state of existence; period between birth and death; activity, liveliness, interest; period during which sth is active and useful* [21].

Номинант концепта LIFE фиксирует такие признаки: *life means existence – жизнь означает существование; life is a period between birth and death – жизнь – это период между рождением и смертью; life means being active and useful – жить означает быть активным и нужным*. Сопоставление выявленных признаков концептов LIFE и TRUTH показывает, что в результате метафоризации жизнь представлена как что-то надежное, правдивое. Однако это противоречит смыслу, выраженному в цитате-эпиграфе, получается парадокс: искусство как нечто прекрасное противопоставлено чему-то правдивому и надежному. Это наводит на мысль о том, что слово *truth* употреблено иронично, в противоположном значении, и в вербализации концепта LIFE/ЖИЗНЬ словом *truth/правда* скрыта идея о том, что жизнь – это не всегда правда. Именно такое понимание продемонстрировано примером, данным в Кембриджском словаре: **Truth is stranger than fiction, which means strange things often happen in real life** [20, p. 936]. Использование метафоризации является эффективным процедурным механизмом воздействия, следовательно, рассматриваемый эпиграф не просто объективирует концепт, но «навязывает» определенную модель понимания мира: *We have art in order not to die from the truth* (искусство помогает нам выжить в этой реальности, и оно противопоставляется реальности).

В результате контекстуального анализа нами выявлены текстовые фрагменты, содержащие лексико-синтаксические репрезентации концептов. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным мы рассматриваем языковые репрезентации концепта как номинанты, образующие его номинативное поле [13]. Номинативные средства языка (слово, словосочетание, текст), т.н. «прототипы языкового сознания» или средства «конвенциональной языковой репрезентации концепта», по Н. Н. Болдыреву [2], выступают материализованной формой всех видов (со)знания.

В результате концептуального анализа пятой части романа выявлено, что номинативное поле исследуемых концептов в пятой части романа структурируется по следующим направлениям смыслового развития: 1) противопоставление искусства жизни; 2) искусство – это особое пространство; 3) влияние искусства на человека.

Рассмотрим номинативное поле концепта LIFE. Главный герой романа, Тео, рассуждает о жизни следующим образом:

(1) **No one will ever, ever be able to persuade me that life is some awesome, rewarding treat. Because, here's the truth: life is catastrophe. The basic fact of existence – of walking around trying to feed ourselves and find friends and whatever else we do – is catastrophe** [23]. / Никто и никогда не убедит меня в том, что жизнь – это главный приз, величайший дар. Потому что вот вам правда: жизнь – это катастрофа. Сама суть нашего существования, когда мы мечемся туда-сюда, пытаюсь себя прокормить, обрести друзей и сделать что-то там по списку – есть катастрофа [15, с. 823].

В данном отрывке мы имеем дело с метафорической номинацией концепта LIFE: *life is catastrophe (catastrophe – a sudden event that causes great suffering or destruction* [20]); *life is not some awesome, rewarding treat (awesome – causing feelings of great admiration; treat – a special and enjoyable occasion or experience* [Ibidem]). Семантика номинантов концепта LIFE репрезентирует следующие признаки: *life causes great suffering and destruction – жизнь приносит страдания и разрушения; life is not an enjoyable experience – жизнь – далеко не приятная штука*.

Обратимся к следующим текстовым фрагментам:

(2) **...it ends badly for all of us, even the happiest of us, and that we all lose everything that matters in the end** [23]... / ...для всех, даже для самых счастливейших из нас, все окончится очень плохо, что в конце концов мы потеряем все, что имело для нас хоть какое-либо значение [15, с. 824]...;

(3) **...that life – whatever else it is – is short. That fate is cruel but maybe not random... that Nature (meaning Death) always wins** [23]. / ...что жизнь – какой бы она ни была – коротка. Что судьба жестока, но, может быть, не слепа... что Природа (в смысле – Смерть) всегда побеждает [15, с. 827].

Текстовые единицы, номинанты концепта LIFE, *ends badly (badly – in a bad manner* [21]); *with death we lose everything (lose – to no longer have* [20]) репрезентируют концептуальный признак *life ends in a bad manner when we lose everything – потеря всего в конце жизни*.

В примере (3) в результате семантического анализа языковых единиц выявлены признаки концепта LIFE, зафиксированные лексическими единицами **short** – *of a small amount of time; cruel* – *extremely unkind and intentionally causing pain; win* – *to defeat a competitor* [Ibidem]: *life is a small amount of time – жизнь – это краткий промежуток времени; a person is defeated at the end of life – в конце жизни человек побежден; life is unkind and it causes pain – жизнь жестока, она причиняет страдания*.

В процессе интерпретации на базе энциклопедических и основанных на предположениях знаний читателя в результате действия когнитивных механизмов «развитие» и «соединение» читатель интегрирует

выявленные признаки и осознает, что содержание концепта LIFE, репрезентированного в эпитафе, приобретает новые характеристики: *life causes great suffering and destruction* – жизнь приносит страдания и разрушения; *life is not an enjoyable experience* – жизнь – далеко не приятная штука; *life ends in a bad manner when we lose everything* – потеря всего в конце жизни; *life is a small amount of time* – жизнь – это краткий промежуток времени; *a person is defeated at the end of life* – в конце жизни человек терпит поражение; *life is unkind and it causes pain* – жизнь жестока, она причиняет страдания.

Действие когнитивных механизмов соединения и развития «запускается» в процессе концептуальной интеграции. В результате речевой актуализации активизируется блок памяти языковой компетенции интерпретатора и выделяется ментальное пространство, включающее ментальную репрезентацию (концепт). В данном случае в процессе межтекстового взаимодействия формируются два исходных ментальных пространства. Исходное ментальное пространство № 1 образовано в результате осмысления метафорической номинации концепта LIFE в эпитафе и включает такие элементы, как *truth, strange things, real life, die*. В исходном пространстве № 2, сформированном в нашем сознании в процессе осмысления основного текста, мы можем выделить такие компоненты фреймовой структуры, как *life, suffering, destruction, short, defeated, lose, unkind*. Сопоставление двух ментальных пространств возможно благодаря общему пространству, включающему общий компонент *life*. В результате взаимодействия двух ментальных пространств образуется блэнд, в котором можно выделить компоненты, получающие новое смысловое наполнение в структуре блэнда: *the truth of life means destruction and suffering; when a person dies he loses everything and he is defeated*. Прецедентная цитата, выбранная в качестве эпитафы, в результате межтекстового взаимодействия прирастает новыми смыслами, выявление которых интерпретатором возможно в результате действия когнитивных механизмов развития, соединения и процесса концептуальной интеграции, активизированных в результате соотношения интерпретатором содержания эпитафы с содержанием основного текста.

Рассмотрим направление смыслового развития номинативного поля концепта ART «искусство – особое пространство». Обратимся к толковым словарям для выявления признаков концепта ART, зафиксированных словом-номинантом концепта: **art** – *the creation and expression of what is beautiful, esp. in visual forms* [21]; **art** – *making or doing smth whose purpose is to bring pleasure to people through their enjoyment of what is beautiful and interesting* [20]. В ходе дефиниционного анализа выявлены следующие семантические признаки концепта ART: *art means something beautiful* – искусство подразумевает что-то прекрасное; *art brings pleasure to people* – искусство приносит удовольствие людям.

Обратимся к текстовым фрагментам, раскрывающим представления главного персонажа романа об искусстве:

(4) *...between 'reality' on the one hand, and the point where the mind strikes reality, there's a middle zone, a rainbow edge where beauty comes into being, where two very different surfaces mingle and blur to provide what life does not: and this is the space where all art exists, and all magic* [23]. / ...между «реальностью», с одной стороны, и точкой, в которой реальность и разум сходятся, существует некая промежуточная зона, переливатый край, где оживает красота, где совершенно разные поверхности сливаются, сплавливаются и дарят нам то, чего не может нам дать жизнь: в этом самом пространстве и существует все искусство, все волшебство [15, с. 826].

В данном отрывке представлены следующие номинанты концепта: *a middle zone; a rainbow edge where beauty comes into being; where two very different surfaces mingle and blur to provide what life does not; this is the space where all art exists, and all magic*. Значения базовых лексем-репрезентантов концепта ART – **rainbow** (*an arch of many colors sometimes seen in the sky after rain*); **beauty** (*an attractive quality that gives pleasure*); **space** (*an empty place*); **magic** (*the use of special powers to make things happen that would usually be impossible*) [20] указывают на привлекательность искусства и выявляют такие концептуальные признаки, как *art is a special attractive space* – искусство – привлекательное пространство; *art gives pleasure* – искусство дарит удовольствие; *art can do impossible things* – искусство творит чудеса.

В текстовых фрагментах (5, 6) искусство метафорически представлено как особое пространство, в котором Тео хотел бы остаться, в котором рождается нечто возвышенное и которое дано, чтобы выдержать правду жизни:

(5) *...the space where I exist, and want to keep existing, and to be quite frank I hope I die in, is exactly this middle distance: where despair struck pure otherness and created something sublime* [23]. / Пространство, в котором существую я, где я хотел бы и дальше остаться, находится ровно в той срединной зоне, где отчаяние схлестывается с чистой инаковостью и рождается нечто возвышенное [15, с. 826-827];

(6) *...only by stepping into the middle zone, the polychrome edge between truth and untruth, is it tolerable to be here* [23]. / ...только вступив в эту промежуточную зону, в полихромный просвет между правдой и неправдой, можно было вытерпеть этот мир [15, с. 827].

Номинанты концепта ART в данных текстовых фрагментах репрезентируют следующие концептуальные признаки: *art is the space where Teo wants keep existing* – искусство – это пространство, где герой хотел бы существовать; *art is the space where something sublime is created* – в этом пространстве рождается нечто возвышенное; *art is the polychrome edge between truth and untruth* – искусство – это полихромный просвет между правдой и неправдой; *it is tolerable to be here* – искусство позволяет вытерпеть этот мир.

В результате действия когнитивных механизмов развития и соединения интерпретатор «добавляет» выявленные концептуальные признаки в представление о содержании концепта ART.

Перейдем к направлению смыслового развития в номинативном поле концепта ART «влияние искусства на человека». В разговоре с главным героем романа краснодеревщик говорит о том, что настоящий шедевр подобен оголенному проводу, при встрече с ним «тебя постоянно потряхивает»:

(7) *Still with real greatness, there's a jolt at the end of the wire. It doesn't matter how often you grab hold of the line, or how many people have grabbed hold of it before you. It's the same line. Fallen from a higher life. It still*

carries some of the same shock [23]. / Когда речь идет о великом шедевре, тебя всякий раз потряхивает, как током от оголенного провода. И неважно, сколько раз ты хватался за этот провод, неважно, сколько там еще человек хватался за него до тебя. Провод-то один и тот же. Свисает из высших сфер. И заряд в нем тот же [15, с. 809].

Метафора *real art is a jolt at the end of the wire* репрезентирует смысл «настоящее произведение искусства оказывает шокирующее влияние». В следующем высказывании (пример 8) актуализирован смысл «произведение искусства способно поменять человека, изменить его взгляды и даже чувства»:

(8) *If a painting really works down in your heart and changes the way you see, and think, and feel* [23]. / Если картина по-настоящему запала тебе в душу, переменяла то, как ты вообще смотришь на мир, как мыслишь, как чувствуешь [15, с. 813].

Когда Тео вновь увидел украденную картину, он испытал состояние шока:

(9) *I couldn't have put into words what I felt, though it was something deep and primary* [23]... / Я не мог облечь свои ощущения в слова, но то было какое-то глубокое, нутряное чувство [15, с. 724]...

(10) *I've been thinking a lot about... those images that strike the heart and set it blooming like a flower, images that open up some much, much larger beauty that you can spend your whole life looking for and never find* [23]. / Я часто думал о... тех образах, что дарят нам проблески красоты куда более безграничной, которую можно потом проискать всю жизнь да так и не обрести снова [15, с. 814].

Смысл «огромное влияние произведения искусства на человека» объективирован в приведенных отрывках (примеры 9, 10) следующими текстовыми единицами, репрезентирующими исследуемый концепт: *something deep and primary* (**deep** – *difficult to understand*; **primary** – *more important than anything else* [20]); *too stunned to speak a word* (**stun** – *to shock; to make a person confused* [Ibidem]); *strike the heart* (**strike** – *to hit* [Ibidem]); *the heart blooming like a flower* (**bloom** – *to produce flowers* [Ibidem]); *images opening up beauty* (**beauty** – *an attractive quality that gives pleasure* [Ibidem]). Выявленные номинанты концепта ART (примеры 8-10) объективируют следующие концептуальные признаки: *art can cause a shock* – произведения искусства могут шокировать; *art can produce beauty* – искусство может создавать красоту; *art can give pleasure* – искусство может дарить удовольствие.

В процессе концептуальной интеграции исходное ментальное пространство № 1, отражающее смысл эпиграфа, включает следующие компоненты фреймовой структуры концепта ART: *art, beautiful, pleasure, helps not to die*. Ментальное пространство № 2, сформированное в нашем сознании в процессе осмысления основного текста, оказывается шире по объему и обнаруживает такие компоненты: *art, attractive, magic, space, polychrome, shock, beauty, pleasure, tolerable*. Общее пространство имеет общие компоненты – *art, pleasure, beauty*. Интегрированное пространство включает компоненты *art, space, beauty, pleasure, tolerable, shock, magic*. Новое содержание, новые смыслы, возникающие в бленде, – *art is a magic space* – искусство – это волшебное пространство; *art can produce beauty and pleasure* – искусство творит красоту и дарит удовольствие; *art can cause a shock* – искусство может вызвать шок; *art is tolerable to be here (it helps not to die)* – искусство помогает выжить.

Выявление заложенных в авторском тексте смыслов в ходе интерпретации осуществляется на базе процесса концептуальной интеграции с участием когнитивных механизмов «развитие» и «соединение», важное значение при этом имеет метод инференции – «выводного знания», полученного путем «вчитывания» в текст [7].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Регулятивность отражает способность текста направлять интерпретационную деятельность читателя.
2. Традиционные подходы к исследованию эпиграфа в художественном тексте раскрывают роль эпиграфа как опоры для адекватного восприятия основного текста: привлекая внимание читателя, данный текстовый фрагмент удерживает внимание читателя и стимулирует познавательный процесс.
3. Декодируя текст, читатель постоянно «сверяется» с эпиграфом, пытаясь более пристально осмыслить его и выявить новые смыслы, генерированные автором в основном тексте, следовательно, эпиграф как коммуникативный блок регулятивного типа стимулирует читателя к установлению смысловой связи между ним и основным текстом.
4. В результате межтекстового взаимодействия эпиграфа с основным текстом концепт, объективированный в эпиграфе, «прирастает» концептуальными признаками.
5. В основе интерпретации читателем новых концептуальных характеристик лежит процесс концептуальной интеграции, а также когнитивные механизмы «развитие» и «соединение».

Перспективы исследования видятся нами в изучении эпиграфов в других произведениях Донны Тартт как показателей идиостиля автора и в разработке алгоритма анализа регулятивности эпиграфа с учетом когнитивных аспектов.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2007. 384 с.
2. Болдырев Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 1. Концептуальный анализ языка. С. 91-103.

3. Болотнова Н. С. Особенности коммуникативной стилистики художественного текста как научного направления // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 23-48.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. Изд-е 2-е, доп. Томск: Изд-во Томского гос. педагогического ун-та, 2006. 631 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры: монография. Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. 378 с.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Левандовская Е. Н. О роли понятия культуры в философии Ницше // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Вып. 1. С. 123-129.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
11. Маслова Ж. Н., Попова Е. А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций [Электронный ресурс]. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/maslova_zh_n_pорова_e_a_problema_razgranicheniya_kognitivnyh_processov_mehanizmov_operaciy.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
12. Петрат Т. Р. Эпиграф // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта; Наука, 2005. С. 374-375.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 250 с.
14. Сыпченко С. В. Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилева // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 99-112.
15. Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ; CORPUS, 2019. 827 с.
16. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
17. Тюрина Р. Я. Морфологические и «графические» окказионализмы как регулятивные средства в поэзии Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Бродского // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 112-129.
18. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей художественной речи // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 25-38.
19. Эпиграф [Электронный ресурс] // Книговедение: энциклопедический словарь. URL: <http://redkayakniga.ru/knigovedenie/item/f00/s02/e0002316/index.shtml> (дата обращения: 18.04.2021).
20. Cambridge Dictionary of American English. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 1069 p.
21. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1988. 1055 p.
22. https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурологическая_концепция_Ницше (дата обращения: 06.02.2021).
23. Tartt D. The Goldfinch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bookfrom.net/donna-tartt/30747-the-goldfinch.html> (дата обращения: 08.02.2021).
24. Turner M. F., Fauconnier G. A Mechanism of Creativity [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1416435 (дата обращения: 24.02.2021).

Информация об авторах | Author information

Симонова Елена Петровна¹

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Simonova Elena Petrovna¹

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ epsimonova@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.02.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): эпиграф; регулятивность; концепт; когнитивные механизмы; номинативное поле; epigraph; regulativity; concept; cognitive mechanisms; nominative field.